

ЯЗЫК ТЕЛА

Автор
Дмитрий Терцен

Дмитрий Герцен

ЯЗЫК ТЕЛА

<https://litres.ru/74643613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три старшекласника. Одна книга. Десять дней, чтобы понять, что такое любовь.

Макс — гений-параноик, который считает чужие моргания и верит, что любовь можно вычислить по формуле. Тим — неуклюжий добряк, который боится даже посмотреть на девушку, которая ему нравится. Алена — циничная скептичка, которая прячется от собственных чувств за насмешками.

Когда на барахолке Тим находит потрёпанную книгу «Язык тела за 7 дней», трое друзей решают, что нашли универсальный ключ к сердцам. Они начинают читать жесты, считать зрачки и зеркалить позы — и с треском проваливаются. Тим пугает Машу, Макс доводит Леру до смеха, а Алена доводит себя до слёз, пытаясь расшифровать жесты своего друга детства Димы.

И когда до школьного фестиваля остаются считанные дни, каждый из них должен решить: продолжать играть в шпионов или просто сказать правду?

«Язык тела» — это тёплая и смешная история о первой любви, настоящей дружбе и о том, что самые важные слова не нуждаются в переводе.

Дмитрий Герцен

ЯЗЫК ТЕЛА

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1. Человек, который считал чужие моргания

Часть 1. Библиотека

В школьной библиотеке всегда пахло одинаково — старой бумагой, пылью и немного кофе, который тайком пил библиотекарь дядя Витя, пряча кружку за стопкой журналов. Свет здесь был мягкий, желтоватый, как на старых фотографиях. В дальнем углу, у окна, стоял стол с облупившейся краской, за которым никто никогда не сидел, кроме Макса Ветрова.

Макс сидел там каждый день. С третьего урока до конца перемены. Он приходил сюда, как другие ходят в спортзал или в столовую, — по привычке, по необходимости, потому что больше ему некуда было идти.

Ему было шестнадцать. Худой, в очках с толстыми линзами, которые вечно сползали на нос, он походил на малень-

кого профессора, случайно забредшего в школьный коридор. Светлые волосы торчали в разные стороны, как будто он только что встал с постели, хотя был уже полдень. На нём была серая толстовка с капюшоном, которая была ему велика на размер, и старые джинсы с потёртостями на коленях. Он кусал колпачок ручки, когда думал, — а думал он всегда.

Перед ним лежал блокнот. Обычный, в клетку, с загнутыми уголками. На первой странице было написано: «Л.С. — наблюдение. День 47». Дальше шли записи, сделанные мелким, почти нечитаемым почерком:

«11:42 — касание волос (правое ухо). 11:43 — взгляд влево-вверх. 11:44 — улыбка (искренняя? не уверен). 11:45 — снова касание волос. Паттерн?»

Макс смотрел в окно. Там, на школьном дворе, у качелей, стояла Лера Соколова. Она была в простых джинсах и белой футболке, и её тёмные волосы были собраны в небрежный хвост. Она разговаривала с Никитой из параллельного класса — высоким парнем с широкими плечами и лёгкой улыбкой, от которой, казалось, становилось теплее воздух.

Никита что-то сказал. Лера засмеялась. Её рука снова поднялась к волосам — быстрым, почти незаметным движением.

Макс нажал кнопку секундомера.

— Три касания волос за сорок семь секунд, — прошептал он и записал. — Один взгляд вверх-влево. Вероятно, вспоминает визуальный образ. Но какой?

Он прищурился. Лера снова поправила волосы.

— Четыре касания. Это уже не случайность. Это паттерн.

Макс откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В голове у него было две мысли. Первая: он гений, потому что видит то, что другие не замечают. Вторая: он идиот, потому что уже год наблюдает за Лерой Соколовой, но не произнес ей ни слова.

Он знал о ней всё. То есть ему так казалось. Он знал, что она пьёт чай без сахара. Что любит физику, но ненавидит химию. Что у неё есть младший брат, которого она обожает. Что она кусает губу, когда нервничает. Что она никогда не носит каблуки, потому что не любит чувствовать себя выше других.

Он знал её жесты наизусть. Но он не знал её.

— Макс! — раздался голос от двери.

Макс вздрогнул и открыл глаза.

В библиотеку ворвался Тим Ковалёв. Ему было семнадцать — на год старше Макса и Алены. Он остался на второй год в пятом классе, и с тех пор чувствовал себя чужим среди одноклассников. Высокий, но сутулый, будто извиняющийся за то, что занимает место. На нём был спортивный костюм, который был ему велик на размер, и кроссовки, стоптанные на пятках. В руках он держал книгу с яркой обложкой — красной, с жёлтыми буквами, которые кричали издалека.

— Макс! — Тим плюхнулся на стул рядом и бросил книгу на стол. — Брось свою шпионскую фигню! Глянь, что я нашёл на барахолке!

Макс не обернулся. Он продолжал смотреть в окно, где Лера теперь стояла ближе к Никите. Их плечи почти касались.

— Тим, я на пороге великого открытия. — Если Лера зачешет правое ухо — это сигнал дискомфорта. Если левое — сигнал интереса. Разрыв критический. Мне нужно ещё двадцать наблюдений для статистической выборки.

— Макс, — Тим ткнул пальцем в книгу. — Тут написано, что люди, которые сутулятся, выглядят как неудачники. Смотри!

Он выпрямился, расправил плечи и задрал подбородок. Выглядело это так, будто он проглотил швабру. Шея напряглась, на лбу выступила испарина.

— А если я сделаю так, — Тим положил руки на пояс, — я буду занимать на сорок процентов больше пространства! И все меня уважают! В книге написано: «Поза супермена повышает уверенность». Это научно доказано!

Макс медленно повернулся. Его взгляд упал на книгу. Яркая обложка. Крупный шрифт. Жирные буквы:

«ЯЗЫК ТЕЛА ЗА 7 ДНЕЙ. КАК ЧИТАТЬ ЛЮДЕЙ КАК КНИГУ».

Сердце ёкнуло. Он выхватил книгу у Тима и начал листать. Страницы были тонкими, почти прозрачными, и пахли так, будто книгу держали в подвале лет двадцать. На полях были чьи-то пометки — карандашом, мелким почерком.

— «Симптомы лжи: прикосновение к носу, закрывание рта, частые моргания. Человек, который врёт, смотрит

вверх-вправо...» — прочитал Макс вслух.

Он поднял глаза. Лера больше не поправляла волосы. Она стояла рядом с Никитой, и Никита касался её локтя. Касание длилось секунды три. Может, четыре. Лера не отстранилась. Она наклонила голову и что-то прошептала. Никита засмеялся.

Макс замер. Внутри что-то похолодело.

«Он коснулся её локтя. Это поглаживание на три секунды дольше допустимого. Она наклоняет корпус к нему. Это кластер симпатии. Нет. Нет, этого не может быть».

Он захлопнул книгу. Звук получился резким, как выстрел. Дядя Витя поднял голову от своих журналов, посмотрел на Макса, потом махнул рукой и вернулся к чтению.

— Тим, — голос Макса сорвался. — Это сокровище. Мы научимся читать людей. И тогда я узнаю, любит ли она меня.

Тим просиял. Его лицо, обычно виноватое и немного грустное, стало почти счастливым.

— А я стану крутым! Все перестанут называть меня тюфяком! Я подойду к Маше и скажу... скажу что-нибудь такое,

от чего она посмотрит на меня. По-настоящему посмотрит.

В этот момент дверь библиотеки снова открылась. Вошла Алена Морозова. Шестнадцать лет, тёмные волосы, собранные в небрежный хвост, и глаза, которые всегда смотрели чуть насмешливо. Она тащила тяжёлый рюкзак, и под глазами у неё были тёмные круги — она не спала всю ночь, потому что думала. Думала о Диме.

— Вы снова про свою Леру? — Алена бросила рюкзак на пол. — Макс, она тебя даже не замечает. Ты сидишь здесь как призрак. Она ходит мимо и не знает, что ты существуешь.

Она заметила книгу в руках Макса и усмехнулась. Усмешка у неё была кривая, немного злая, но за ней пряталось что-то другое — усталость, может быть, или обида.

— О, серьёзно? «Язык тела за 7 дней»? Это что, магия для неудачников? Решили стать шпионами?

— Алена, это наука! — обиделся Тим. — Например, знаешь, что люди, которые часто трогают шею, неуверенны в себе? Как ты сейчас!

Алена замерла. Её рука действительно лежала на шее —

она сама не заметила, как подняла её. Она резко убрала руку, как будто обожглась.

— Случайность, — но голос дрогнул. — Просто затекла.

Макс поднял книгу, как зная. В его взгляде появился интерес — тот самый, который загорается у людей, когда они находят ответ, который искали всю жизнь.

— Нет. Это судьба. Мы — трое неудачников. У нас есть десять дней до школьного фестиваля. За это время мы научимся управлять людьми.

— И получим всё, что хотим! — подхватил Тим.

— И что ты хочешь, Тим? — Алена скрестила руки. — Стать капитаном футбольной команды? Президентом школы?

Тим замолчал. Он смотрел на свои руки — большие, неуклюжие, с обкусанными ногтями. Потом тихо пробурчал:

— Я хочу, чтобы Маша Пересветова хотя бы раз на меня взглянула. Не как на стену. Как на человека. Я хочу, чтобы она увидела, что я есть.

Алена вздохнула. Она глядела на книгу. Её взгляд зацепился за страницу: «Как понять, что человек влюблён в вас: расширенные зрачки, наклон корпуса, отзеркаливание жестов».

И Алена вспомнила. Дима. Её друг детства. Они выросли вместе — их дома стояли рядом, их матери дружили, они ходили в один садик, потом в одну школу. Дима всегда был рядом. Он всегда смотрел на неё с расширенными зрачками. Всегда повторял её позы. Всегда. Она замечала. Но боялась. Боялась, что если она признается, и он скажет «нет», то она потеряет друга. Навсегда.

Она не знала, что отзеркалиние работает только тогда, когда человек не замечает. Что если повторять слишком явно — это выглядит как припадок.

— Ладно — но только чтобы доказать, что это псевдо наука. Мы прочитаем книгу, попрактикуемся, и когда ничего не выйдет — я скажу: «Я же говорила».

Макс бросил взгляд на неё. Потом на Тима. Потом на книгу. Он чувствовал, как что-то меняется внутри — медленно, как поворачивается тяжёлое колесо.

— Договорились, — но если сработает... мы изменим на-

ши жизни.

Тим кивнул. Алена отвернулась.

За окном Лера и Никита уходили со двора. Никита что-то говорил, размахивая руками. Лера смеялась. Макс смотрел на них, и в груди что-то сжималось — маленькое, тёмное, тяжёлое.

«Ничего, — подумал он. — Я научусь. Я всё пойму. И тогда она увидит меня».

Он не знал, что уже в этот момент он ошибался.

Часть 2. Дом, в котором никто не разговаривает

После школы Макс пошёл домой.

Он жил в пятиэтажке на окраине города — в доме, который когда-то был жёлтым, а теперь стал грязно-серым, с облупившейся краской и подъездом, где всегда пахло сыростью и чужим табаком. Он поднялся на четвёртый этаж, открыл дверь ключом, который всегда заедал, и вошёл в квартиру.

Тишина. Мама на работе — она работала медсестрой в больнице и приходила поздно. Отчим ушёл два года назад и

не вернулся. Бабушка умерла прошлой весной, и с тех пор в квартире стало ещё тише.

Макс прошёл в свою комнату. Обои в мелкий цветочек — бабушкины. Кровать у окна, стол у стены, шкаф с книгами. На столе — компьютер, который работал с перебоями, и лампа с жёлтым абажуром. На стене — карта звёздного неба, которую он повесил в двенадцать лет и так и не снял.

Он сел за стол и открыл книгу. Ту самую. «Язык тела за 7 дней».

Кот Бублик — старый, толстый, серый — прыгнул на кровать и свернулся клубком. Он посмотрел на Макса с выражением, которое можно было перевести как «опять ты со своими глупостями».

Макс начал читать. Страницы были тонкими, как папиросная бумага. На полях — чьи-то пометки: «Проверено!», «Не работает!», «Работает, но не всегда». Почерк был женский, аккуратный, с завитушками.

«Интересно, кто это писал? — подумал Макс. — Может, та девушка, что продала книгу Тиму?»

Он читал до ночи. Про позы. Про жесты. Про микровыра-

жения. Про то, как отличить искреннюю улыбку от фальшивой. Про то, как глаза выдают ложь. Про то, как руки говорят больше, чем слова.

К полуночи он знал книгу почти наизусть.

Мама пришла в одиннадцать. Она устала — это было видно по тому, как она сняла обувь и просто села на пуфик в прихожей. Макс вышел к ней.

— Привет, мам.

— Привет, солнышко. — Она улыбнулась, но улыбка была усталой. — Как дела в школе?

— Нормально.

Он промолчал ей про книгу. Про Леру. Не сказал про то, что собирается «изменить свою жизнь». Мама бы не поняла. Или поняла бы, но испугалась. Она всегда за него боялась.

— Ты поел? — спросила она.

— Да.

— Хорошо. Я пойду спать. Завтра смена с семи.

Она ушла в спальню. Макс вернулся в свою комнату. Он сел за стол и бросил взгляд на книгу.

«Завтра, — подумал он. — Завтра всё начнётся».

Часть 3. Человек, который хотел, чтобы его заметили

В это же время Тим Ковалёв сидел в своей комнате и смотрел в зеркало.

Его комната была маленькой, с обоями в синюю полоску и кроватью у стены. На стене — постер с футболистом, который когда-то казался ему крутым. На столе — куча тетрадей, которые он не проверял уже месяц. В углу — гантели, которые он купил год назад и ни разу не использовал.

Тим был высоким, но сутулым. У него были тёмные волосы, которые он постоянно теребил, и глаза, которые всегда смотрели чуть вниз, как будто он извинялся за то, что смотрит на людей. Он был неуклюжим — руки и ноги были длинными, и он не знал, куда их девать.

Он смотрел на себя в зеркало.

— Ты можешь это сделать,—ты не тюфяк. Ты... ты можешь быть крутым.

Отражение смотрело на него с сомнением.

Тим вздохнул. Он вспомнил Машу Пересветову. Она была в параллельном классе. Он видел её каждый день в коридоре, в столовой, на школьном дворе. Она всегда улыбалась — не ему, конечно, а кому-то другому. Она всегда была окружена людьми. Она всегда была... счастливой.

Тим не был счастливым. Он был один. У него были Макс и Алена — но это было не то.

Тим встал. Попробовал принять позу. Руки на пояс. Ноги широко. Подбородок вверх. Он взглянул в зеркало.

— Я — уверенный человек, — Я — крутой. Я — не тюфяк.

Отражение смотрело на него с жалостью.

Тим опустил руки. Он чувствовал себя глупо. Но он не сдался. Он снова поднял руки. Снова поднял подбородок.

— Завтра. — Завтра я подойду к Маше. И я скажу ей что-

нибудь. Что-нибудь такое, от чего она посмотрит на меня.

Часть 4. Девушка, которая боялась правды

Алена Морозова сидела на подоконнике в своей комнате и смотрела на улицу.

Её комната была светлой — белые обои, деревянный пол, кровать с мягким одеялом. На стене — фотографии. Много фотографий. Она, Дима, их родители, их общие друзья. Они росли вместе — их дома стояли рядом, их матери дружили, они ходили в один садик, потом в одну школу.

Дима всегда был рядом. Он всегда был... её другом.

Алена смотрела на фотографию, где они были маленькими — лет по семь. Дима держал её за руку, и они смеялись. Она помнила тот день. Они были в парке, и Дима купил ей мороженое. Она уронила его, и заплакала. И Дима отдал ей своё.

Он всегда отдавал ей своё.

Она вспомнила. Дима всегда смотрел на неё с расширенными зрачками. Всегда наклонялся к ней, когда говорил. Всегда повторял её позы — когда она садилась, он садился.

Когда она скрещивала руки, он скрещивал.

«Он влюблён в меня, — подумала она. — Или это просто дружба?»

Она не знала. И это было самое трудное — не знать.

Она боялась. Боялась, что если она спросит, и он скажет «нет», то она потеряет его. Потеряет друга. Потеряет человека, который был рядом всю жизнь.

«Лучше не знать, — подумала она. — Лучше просто... быть рядом».

Но она знала, что это ложь. Она хотела знать. Она хотела, чтобы он сказал «да». Она хотела, чтобы он обнял её и признал, что любит.

Она хотела. Но боялась.

— Завтра. — Завтра я что-нибудь сделаю. Что-нибудь.

Часть 5. Трио

На следующий день они встретились в библиотеке.

Макс сидел за своим столом, обложившись стикерами. Тим стоял перед зеркалом — маленьким, которое он принёс из дома, — и пытался тренировать улыбку. Алена сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрела в окно.

— Итак, — проговорил Макс. — Мы начинаем сегодня.

— Что именно? — спросил Тим.

— Первая миссия — «Симпатия». Мы выбираем объект и применяем технику открытых ладоней и искренней улыбки.

— А если я буду улыбаться, а она подумает, что я маньяк? — нервно спросил Тим.

— Тим, ты и так выглядишь как маньяк,

— Промолвила Алена, не оборачиваясь.

— Книга хотя бы придаст тебе смысл.

— Алена, — строго уточнил Макс. — Мы команда. Мы делаем это вместе.

Алена вздохнула. Она отвернулась от окна и посмотрела на ребят.

— Ладно. Но я предупреждаю: если это не сработает, я скажу «я же говорила».

— Сработает, — добавил Макс. — Должно сработать.

Он открыл книгу. Тим перестал улыбаться в зеркало. Алена слезла с подоконника.

Трио вышло из библиотеки.

Конец первой главы.

ГЛАВА 2. Поза супермена и разбитые надежды

Часть 1. Ночь перед началом

В ту ночь Макс не спал.

Его комната была маленькой, с обоями в мелкий цветок, которые остались ещё от бабушки, и окном, выходящим на соседский двор. На столе горела настольная лампа, отбрасывая жёлтый круг света. За этим кругом пряталась тьма — густая, как в подвале.

Макс сидел, обложившись стикерами. На каждом бы-

ло определение: «ЗАКРЫТАЯ ПОЗА», «ОТКРЫТАЯ ПОЗА», «ОТЗЕРКАЛИВАНИЕ», «КЛАСТЕР ЖЕСТОВ», «КОНТЕКСТ». Он наклеил их на стену, на дверцу шкафа, на зеркало. Даже на кота — кот спал на кровати, свернувшись клубком, и на его боку красовался стикер «РАССЛАБЛЕННОСТЬ».

Кот звали Бублик. Он был старым, толстым и абсолютно безразличным ко всему, что не касалось еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.